

Эйлор Таргариен не отличался спокойным характером, напротив, его нрав был горяч, подобно крови дракона, что текла в его венах, и сейчас он был зол, зол, как никогда прежде в жизни.

Его жеребец шумно громыхал под ним, мчась на звук бойни впереди; его огромные легкие работали подобно кузнечным мехам. Аларик назвал этого жеребца Воином. Наверняка Верховный Септон не одобрил бы подобного... точнее, Эйлор был уверен, что Септон был бы против, но, право слово, это имя идеально подходило огромному скакуну. Зверь любил сражения почти так же сильно, как и Эйлор: после бойни у Проливов он вышел с красной мордой, потому что за время схватки кусал штормландцев, отрывая шматы мяса как людей, так и их коней, если те попадались на пути.

Сумеречному Дракону не следовало привязываться к своему коню, он понимал, что тот рано или поздно погибнет, но ничего не мог с собой поделаться — любил эту злую скотину. В любом случае, сейчас Эйлор сосредоточился не на том, что ему нравилось. Нет, сейчас он сосредоточился на своей ненависти, которая волнами затапливала сознание.

Ланнистеры не оставили много людей для охраны Грязных ворот, которые вели к Дороге Роз и южному Королевскому Тракту. Они явно не чувствовали в этом необходимости, поскольку никто не знал, — не должен был знать, — что они идут на Королевскую Гавань с намерением разграбить ее.

Но Эйлор Таргариен знал.

В ночь перед тем, как он должен был напасть на Роберта Баратеона и покончить с этим проклятым восстанием, в его шатре появилась маленькая птичка и нащелкала дурные, но очень важные вести. Увы, он не успел добраться до родного города и предотвратить начало катастрофы, но сможет не дать ей дойти до своего страшного финала.

Сумеречный Дракон пожрёт их всех. Всех и каждого.

Он вогнал свое копьё в горло первому попавшемуся человеку, превратив предупреждающий крик стражника в хрипы и бульканье. Остальных ждала участь не лучше: один повернулся и попытался бежать через ворота, но оказался растоптан массой бронированных скакунов. Улицы Королевской Гавани были усеяны солдатами и живыми горожанами. Некоторые мужчины в красном и золотом Дома Ланнистеров сражались с теми, кто был одет в золото Городской стражи или в красное и черное Дома Таргариенов; всё больше крови проливалось на и без того алые улицы. Другие, отказавшись от войны, открыто занимались грабежом: городские богатства похищались как из борделей, так и из септ.

Эйлор выхватил меч и начал безжалостную рубку, превратившись в Демона из самых глубин Семи Преисподних.

Его люди знали свои задачи, и выполняли их с усердием. Они должны были убить каждого человека в красной форме Ланнистеров, который попадет на пути. Никаких пленных. Никаких искуплений, заявлений о раскаянии; никакой пощады. Лев укусил дракона за хвост, и

за это преступление он будет сожжен в пепел.

Какой-то рыцарь в пурпурном плаще с единорогом попытался сбить Эйлора с его коня, но в ответ обзавёлся сталью в черепе — клинок проник сквозь узкую прорезь козырька шлема. Дракон зарычал, когда жажда битвы захлестнула его с головой, и, выдернув клинок из лица мертвого противника, вонзил его в спину следующего человека, скрестившего руки в знаке покорности. Эйлору было плевать, благородный это удар или нет; он просто хотел убивать, и неважно, отрубит ли он человеку голову и убьет его мгновенно или отрубит руку и даст ему истечь кровью на покрытой дерьмом улице.

Эйлор умел убивать. Он намеревался стать в этом деле еще лучше.

Чем глубже он въезжал в город, прокладывая кровавый путь по улицам столицы своей семьи, тем больше красных Ланнистеров видел, и тем сильнее распалялась в нём ярость. Воин почувствовал ярость своего всадника и ответил тем же: его ржание стало походить на какие-то жуткие хрипы хищника, и под аккомпанемент этих звуков, он на полной скорости сбивал с ног мужчин своей мощной грудиной, а затем затапывал насмерть.

Рыцарь в черных доспехах и конь с черной шкурой сформировали ужасающий дуэт. Ужасающе эффективный. Даже те вестландцы, у которых хватало ума броситься в бегство, по большей части всё равно умирали, чувствуя перед концом либо укус клинка, либо сокрушительное сжатие плоских зубов, либо копыто, раздробливающее кости.

Принц продолжал свой путь, оставляя за собой десятки трупов.

Были ли рядом с ним Аларик или сир Барристан, Эйлор сказать не мог. Успел ли лорд Рэндилл Тарли подтянуть пехоту, дабы перекрыть городские ворота, гарантируя, что ни один Ланнистер не избежит чистки, устроенной им, Эйлор тоже не знал. Сумеречный Дракон даже не знал, была ли эта бойня реальностью или просто сном человека из семьи, известной своим безумием; темным, ужасающим и прекрасным.

Эйлору было всё равно. Всё, что имело значение — это убийства и Красный замок.

<http://tl.rulate.ru/book/80678/2561428>